

К Р О К О Д И Л

— Что ни говори, а депутатов в горсовет выдвигают по зна-
комству.
— То есть как?
— Очень просто. Ведь кандидатов знает весь город.

Рис. Б. Пророкова

Скоро выборы, друзья!

Председатель горсовета
Не мужчина — мармелад.
Граждан с лаской и приветом
Принимает он подряд.
Привели вчера старуху:
В горсовете дело, мол,—
Председатель (верить слуху?)
Сам навстречу ей пошел.
Только знающие люди
Говорят об этом чуде,
Что иначе и нельзя:
Скоро выборы, друзья!
В бане давеча неожиданно,
Чуть ступил я чрез порог,
Хлынул радостно из крана
Настоящий кипяток.
Наяву и без наркоза
Заиграли струи туш!
По велению комхоза
Бодрым ливнем грянул душ.

Только знающие люди
Говорят об этом чуде,
Что иначе и нельзя:
Скоро выборы, друзья!

Всюду флаги и портреты,
Песни, музыка и смех,
И плакаты, и газеты,
И глаза горят у всех.
Веселей кипит работа,
Бурно дышит вся страна.
И растут, растут без счета
Горы угля, чугуна.

И поют повсюду люди
О советском новом чуде,
Что нигде найти нельзя:
Скоро выборы, друзья!

Ал. РОХОВИЧ

Конец трагедии

Я И ДРУГИЕ товарищи из нашего дома пошли наднях в театр Революции. Очень интересную вещь показывали: «Ромео и Джульетта». Очень интересно! И так их жалко, что этого Ромео, что Джульетту... Ну как же, вы подумайте только: вместо того чтобы как следует расписаться друг с другом и жить в полной любви, сперва он зарезался, потом она. Славные такие молодые люди, воспитанные, нарядные... Жить бы им да поживать. И вдруг — пожалуйста... У нас в квартире тоже были свои Монтекки и эти свои... ну, как фамилия была родственников Джульетты?.. Всегда я забываю. Помню только, что похоже на мою подругу Капу Мигачеву... Одну минуточку, сейчас вспомню... Мигачетти?.. Нет. Капулетти — вот! И такая была ссора у нашей Анны Ивановны Монтекки с Варварой Петровной Капулетти — вы себе представить не можете! Что там ваш Шекспир! Во-первых, Шекспир не догадался поселить обе семьи в одну квартиру. Вот бы он тогда посмотрел, что бы вышло! Впечатление было такое, что весь дом дрожит, как студень, так эти две женщины ссорились. А чем они только друг друга не донимали!.. Анна Ивановна придумала такую штуку: когда Варвара Петровна положила дров в колонку, чтобы истопить ванну, то Анна Ивановна в дрова сунула на 17 рублей фейерверков. А Варвара Петровна этого ничего не знает, разжигает спокойно щепки и сует в колонку. Щепки немножко погорели, а потом как-то оттуда пошло... То бенгальский огонь, то римские свечи вылетают с цветными головками, то какое-то колесо шумит и брызгает искрами на всю ванную. А Варвара Петровна сидит на полу и блеет козым голосом. И наши все жильцы собрались, стоят около ванной, войти не смеют, но рассуждают: куда надо звонить — в пожарную команду или на Пастеровскую станцию, поскольку колонка, может быть, взбесилась...

Конечно, Варвара Петровна в долгу не осталась. Через неделю было дежурство Анны Ивановны, и уборка квартиры была возложена на нее. И вот тут Варвара Петровна выбрала такое время, когда дома никого не было, все свои вещи сперва положила так, чтобы ниже чем на стуле ничего не лежало, затем открыла кран на кухне и в ванной открыла кран. А сама ушла. Анна Ивановна явилась только через полчаса после этого и видит,

что у нас квартира уже больше не квартира, а чистая Венеция. Все плавает: тарелки, бутылки, миски, стаканы, туфли, тряпки, чьи-то брюки, чья-то шапка, чьи-то щетки, чьи-то книжки... Ну, в общем в товарищеском суде дело разбиралось четыре раза и в народном — три раза.

Мы, остальные жильцы в этой квартире, думали, что мы просто погибнем однажды из-за вражды этих женщин. А что же вышло? Вышло то, что мы совершенно недоучитывали, где и когда мы живем.

Началась выборная кампания. Кажется, ну какое отношение выборная кампания может иметь к этим двум женщинам, которые просто осатанели на почве склоки?.. А кампания себе идет да идет, и вот к нашему дому прикрепляют агитатора — товарища Кондратьева. Может, знаете? Скромный такой молодой человек, внимательный, вежливый... И так он все замечательно объясняет — тихо, спокойно, никогда не сердится. Пришел он и сперва стал заниматься с домашними хозяйками в красном уголке при домоуправлении. Потом один раз нам нужно было заниматься, а в красном уголке было занято помещение, и тогда Анна Ивановна пригласила всех к себе в комнату — а у них, действительно, очень уютная комната... Вот мы все собрались, и товарищ Кондратьев пришел, а Варвара Петровна, конечно, и не подумала явиться в комнату своего врага. Да, наверное, ее бы Анна Ивановна и не пустила к себе. Она, наверное, кипятком бы плеснула, если бы та пришла к ней. Но только перед началом занятий товарищ Кондратьев спрашивает:

— А где же Варвара Петровна?

Мы молчим, не знаем, что сказать. Анна Ивановна покраснела. И все мы понимаем, что нельзя этому человеку, который нам рассказывает такие замечательные, интересные вещи: о политике, о хозяйстве нашей страны и о прочем таком, — нельзя этому человеку объяснить, что Варвара Петровна не будет на занятиях из-за склоки. А товарищ Кондратьев опять говорит:

— Значит, так и не будет Варвары Петровны?.. Жаль. Она очень толковая женщина. Она что — больна?

Тут Анна Ивановна не выдержала, выскочила в коридор и постучала в комнату Вар-

вары Петровны. Та выходит, видит своего исконного врага и прежде всего отшатывается обратно. И вдруг она слышит такие слова:

— Варвара Петровна, наш кружок собрался у меня в комнате. Товарищ Кондратьев уже пришел и просит вас идти на занятия. И я прошу: приходите ко мне!

Варвара Петровна высунула голову в коридор и видит: Анна Ивановна в нарядном платье, и лицо у нее какое-то другое. Незлое. Она подумала, подумала и говорит:

— Спасибо, сейчас приду, только приведу себя в порядок.

И действительно, минут через десять приходит в новом платье, здоровается со всеми и садится на диванчик. Начинаются занятия. Народу собралось столько, что стульев не хватает. Тогда Варвара Петровна говорит:

— Я сейчас принесу стулья из моей комнаты...

И действительно, приносит свои стулья в комнату Анны Ивановны!

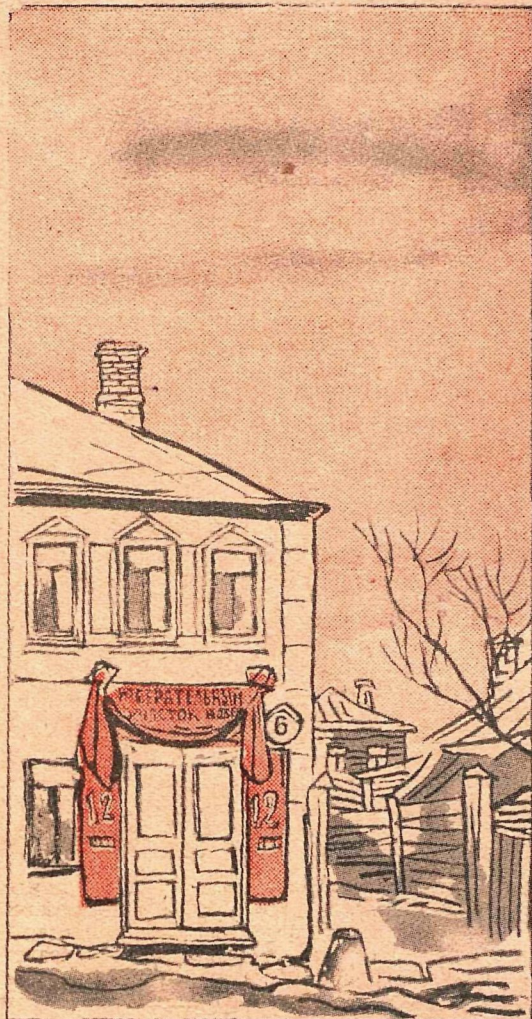
Потом занятия кончаются, все расходится, а Варвара Петровна остается, чтобы взять свои стулья. Анна Ивановна уговаривает ее выпить чаю.

А мы, остальные жильцы, просто не верим глазам: мы все ходим по коридору и заглядываем в полуоткрытую дверь Анны Ивановны, где сидят гражданка Монтекки и гражданка Капулетти, пьют чай и говорят друг другу комплименты.

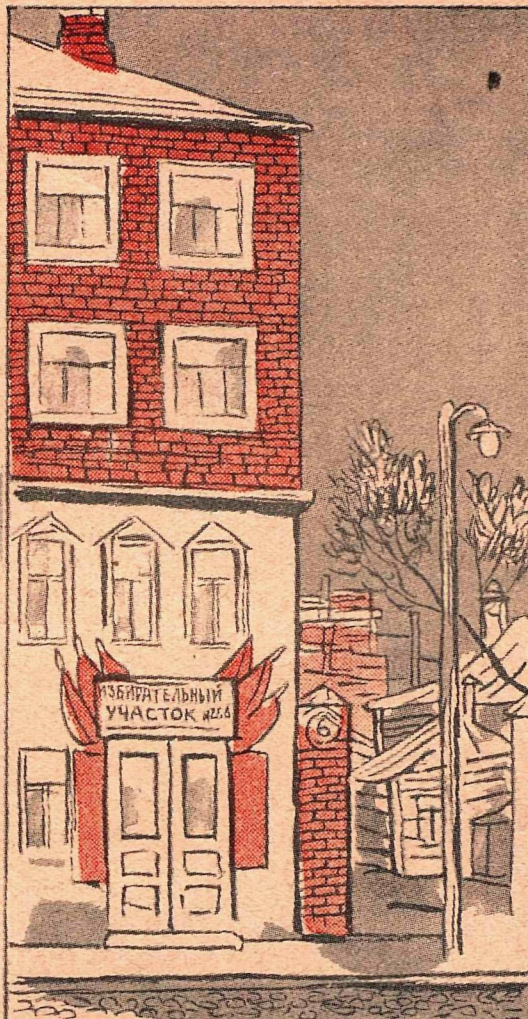
И теперь Анна Ивановна и Варвара Петровна — они тоже вроде агитаторов: их вызывали на товарищеский суд для того, чтобы они объяснили жильцам из соседнего дома, которые все ссорятся, как это нехорошо и, главное, как легко это прекратить.

Вот почему я думаю, что эти молодые люди в театре — Ромео и Джульетта — они только потому и погибли, что советской власти не было и не было там хорошего агитатора — ну, вроде нашего товарища Кондратьева. А пьеса сама по себе интересная. Про это я ничего не скажу. Но только я такую пьесу писала бы со счастливым концом: Ромео женился на Джульетте, у них на свадьбе Монтекки помирились с Капулетти, и все Монтекки и все Капулетти взяли себе общественную нагрузку и стали вести культуру даже среди людей из других пьес.

В. АРДОВ

12 декабря 1937 года.

26 июня 1938 года.

24 декабря 1939 года.

В пакгаузе

(Истинное происшествие)

В ПАКГАУЗЕ было темно и сыро. Тишину нарушали изредка пробегавшие крысы да гудки маневрировавших за стеной паровозов. Неожиданно раздался раздраженный женский голос:

— Скоро ли нас уберут отсюда?

— Как же! Сейчас вам преподнесут на блюде гладкую сухую стену,—проворчал мужской хриповатый голос.

— Где мы?

— Кажется, в Кисловодске.

— С прибытием на курорт, уважаемые коллеги! — иронически проговорил кто-то.

— Безобразие! — послышался женский голос. — Я из рамы вон выхожу, как подумаю, что нас ждет!

— Эх вы, молодежь! — сказал хриплый. — Пожили б с мое, — не волновались бы попустому. Уж куда меня ни загоняли, как ни швыряли, — все жив да жив.

— Хорошо вам говорить! Да на вас и шуба и валенки, и теплая шапка, а на мне что — одни трусы да майка!

— Кроме того вас писал опытный мастер. Может, он какой секрет знал — краски особые составлял. А мы?

— Не волнуйтесь, друзья, — снова сказал хриплый голос, принадлежавший тепло экипированному колхознику, изображенному в полный рост на большом полотне. — Завтра нас продадут с торгов — и делу конец.

— Как с торгов?

— Почему с торгов?

— Разве нас не выставят?

— Выставят! Как же! Я уж проведаль, что к чему.

— Расскажите, расскажите! — вскричал натюрморт.

— А дело такое. Прибыли мы, значит, сюда седьмого числа, августа месяца 1939 года. Вот! А нынче — семнадцатое. Посчитай — десять ден лежим себе, отдыхаем в пакгаузе. А железная дорога тоже не маслом писана, — раз груз никто не выкупает, — значит, с торгов его продавать надо! Вот какая, братцы, акварель-то выходит!

— Не может быть! Мы пожуемся директору выставки!

— Жалуйся! Он, то есть товарищ Ульянов, сегодня в Москву телеграмму посылал. Дескать, шлите доверенность, деньги, а то картинки-то с торгов — тью-тю!

— Почему же он нас не выкупил?

— А потому, что Комаров документов не прислал.

— Комаров! Комаров! — закричали все. — Мы погибли!

— Простите, пожалуйста, — сказал скромный голос, принадлежавший девушке, сидевшей на садовой скамье с раскрытой книгой на коленях. — Когда меня вынашивал художник... То есть вы понимаете, что я хочу сказать... Когда я зарождалась в его фантазии... и потом после, когда я была воплощена... в образ... я вовсе ничего не знала обо всех этих вещах... Он... то есть художник... так любил меня... Он так бережно относился ко мне... он говорил, что я создание его мечты... что люди будут смотреть — и я буду будить в них лучшие чувства... и вот здесь, сейчас... Я ничего не понимаю... Объясните, пожалуйста... Кто такой Комаров? И почему я погибну?

— Вот, милая ты моя, какое дело, — стал объяснять колхозник. — Комаров есть директор Центрального бюро Московского отделения союза советских художников (МОССХ). Понимаешь теперь? Он и есть наш хозяин. А хозяин он — чтоб ему пусто было! — плохой. Прямо будем говорить! Ему что за дело до твоих там разных мечтаний да вдохновений... Мужчина он сурьезный, крепкое слово любит, иной раз загнет так, что сплошной грубый натурализм получается... И формалист он заядлый... То есть в смысле бюрократизма и тому подобного... Его, конечно, искусство интересует так же, как алжирского бея гравюры Фаворского... Да... И вот, значит, Комаров выставками ведает... Вот тоже был случай. Постановлено было открыть выставку в Хабаровске, Владивостоке, Ворошиловске, Комсомольске... Пятьдесят тысяч ухнул на это дело Комитет по делам искусств. А Комарову — что? Ему плевать на то, что нас желают трудящиеся граждане и бойцы-дальневосточники видеть. Он приказ дает: распродать картины в Хабаровске и больше нигде выставки не открывать. Так и сделали. Вот он какой, Комаров! Он и нас хотел еще в июне в Москве распродать... Да что-то, видно, помешало... Вот и лежим здесь, ждем...

— А что ж в МОССХ разве не знают о проделках этого Комарова? Неужели же все они там одной кистью мазаны?!

— Нет! Не может быть! Мы будем жаловаться!

И долго еще в тишине привокзального пакгауза раздавались возмущенные голоса...

А. ИЛЬИЧЕВ

Товарищи

У мастера дочки
Похожи, как точки.

И обе блондинки,
И обе в кудряшках;
Мне нравится младшая,
Старшая — Яшке.

Мне нравится Вера
Товарищу — Варя;
Мы ходим по скверу,
Сидим на бульваре.

Спускаемся к лодкам,
Катаемся в лодке,—
И так пролетает
Вечер короткий.

Пора расходиться:
— Всего...— До свиданья...
Мы молча плетемся
Вдвоем со свиданья

По улицам сонным,
Вдоль сонных заборов.
И тут начинаются
Старые споры:

Какая красивей?
Какая умнее?

...Ни он и не я,
Мы хитрить не умеем.

— По-моему — Варя;
— По-моему — Вера.
Товарищ бледнеет.
Я делаюсь серым.

Мы оба, накупаясь,
Глядим друг на друга,
Но я... обнимаю
Влюбленного друга:

— Ну, ладно... довольно
Глядеть исподлобья:
Они интересные девушки
Обе!

И умницы обе,
И очень похожи...
На нас с изумлением
Смотрит прохожий.

А мы и не видим:
Для нас не в новинку,
Поспорив обняться
И топтать в обнимку.

ИОСИФ УТКИН

ПРЯМОЙ ДОРОГОЙ

Рис. К. Елисеева

— Хоть и трудно добраться до нашего председателя горсовета,
но я до него доберусь.

Пестрые заметки

МАШИНА БЕКА

ПО УЛИЦАМ Пинска быстро проносятся щеголеватая машина — «бюик» последнего выпуска.

Эта машина министра Бека. Точнее, машина бывшего министра иностранных дел бывшей панской Польши.

В этом «бюике» теперь раз'езжает Дружинин, председатель Временного управления Пинска.

Какими судьбами машина пана Бека попала к товарищу Дружинину?

Когда Рыдз-Смиглы еще пытался бряцать оружием, произносил воинственные речи, благоразумный дипломат Бек спешно собрал свои вещички, сел с женой в машину и покинул Варшаву, сопровождаемый свитой и охраной. Министр держал путь к румынской границе через Полесье.

В темную, непогожую ночь он прибыл в южную часть Пинского уезда, заночевал в деревне Островск.

Деревня маленькая, бедная — нет ни помещика, ни ксендза. Пришлось ясновельможному пану ночевать в темной хатенке крестьянина Владимира Орды. Впервые Бек наглядно изучил крестьянскую жизнь. Урок был тяжелый. Министр и его супруга изволили спать на земляном полу, подстлав солому.

Ночь прошла тревожно. Тем более что тараканы и клопы очень интересовались высокопоставленными гостями.

Спозаранку министр со свитой поторопился двинуться дальше. Дорогой машина испортилась. Пришлось оставить ее в лесу. Здесь ее нашли крестьяне и доставили в Пинск.

Я ездил на этом «бюике». Неплохая машина.

О том, что мне придется ездить на этой машине, никогда не думали ни я, ни Бек.

СУДЬЯ

ПОТНЫЙ, лысый, в белом крахмальном воротничке. Он стоит перед председателем Пинского Временного управления, склонив набок голову и оладчайшим тенорком поет:

— Господин, то есть товарищ председатель Временного правительства! Я есть судья. Я пинский судья. Я есть замечательный судья. Я есть лучший судья во всем уезде. Могу сказать, что я есть один из самых лучших судей во всей бывшей Польше. Я имею честь предложить свои услуги. Вам же здесь нужны будут судьи. Я имею пятнадцатилетний опыт. Лучшего судьи вам не сыскать. Можете взять меня для испытания на две недели. Я проведу несколько судебных процессов, и вы увидите, какой я есть замечательный судья. Председатель сказал:

— У нас судьи избираются народом. Тайным голосованием.

Судья опешил. Он еще более вспотел:

— Я понимаю. Товарищ шутит.

— Нет, не шучу. Прочтите нашу Конституцию.

— Это серьезно есть? Избирают тайным голосованием? Прошу извинить: такие условия для меня не подходящи есть.

Он быстро выкатился из кабинета.

СТОЛБЦЫ И ЕВРОПА

В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ беседуем с двумя гимназистами старших классов:

— Знаете ли вы, кто такой Пушкин?

Нет, они Пушкина не знают.

— А Байрона?

Не слышали.

— Анатолий Франс?

Впервые слышат такое имя.

У них в гимназии был учитель географии, который на уроках объяснял, что Европа находится в Столбцах. А за Столбцами дремучие леса, где живут полудикие люди.

Он считал себя истинным европейцем — этот учитель географии.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ПОД'ЕЗЖАЕМ к Брест-Литовску. За окнами вагона холодный осенний мрак.

Такая же погода в самом вагоне: холодно, темно, неуютно.

В соседнем купе кто-то, путая ударения, произносит нараспев отборные русские ругательства. Он делает это со вкусом, с чувством, неспеша. Но, видать, его познания весьма ограничены, потому что одно и то же замысловатое словосочетание повторяется несколько раз.

Зажигаем спичку и видим: сей псалмопевец одет в форму польского железнодорожника. Он охотно вступает в беседу:

— Я при царизме, дорогой товарищ, был солдатом, служил в Бобруйске. Я тогда выучил со всей подробностью все русские крепкие слова. И вот я думал, когда пришла Красная Армия, что я опять кое-чему поучусь из словесности. Но я напрасно ожидал. Оказывается, ваши красноармейцы почему-то во все не ругаются, не употребляют никаких трехэтажных слов. Ни пехота, ни артиллерия, ни казаки. Все это для меня, дорогой товарищ, непонятно и в голову не лезет...

МОСТИК ЧЕРЕЗ БОЛОТО

В БАРАНОВИЧАХ местный житель рассказывал нам:

— На нашей улице есть болото. Через болото перекинут узенький мостик. Сегодня я шел с женой. Навстречу шли два красноармейца. Они соскочили с мостика и уступили нам дорогу. Что вы на это скажете?

— Ничего не скажу. Дело обыкновенное.

— Как это — обыкновенное? Три месяца назад я шел с женой через этот мостик. Навстречу попались два польских офицера. Один из них толкнул жену, она упала в болото. А вы говорите, — дело обыкновенное...

ОНИ ПРИШЛИ ВТРОЕМ

В ЛИДЕ к командиру нашей воинской части пришла делегация: поп, ксендз, раввин.

Поп спросил:

— Не воспрещается ли звон?

Раввин интересовало другое:

— Будут ли продавать кошерное мясо?

Более практичным оказался ксендз:

— Какое будет распоряжение насчет монастырской земли?

ДОРОЖНЫЙ ТЕХНИК

ОН был дорожным техником. Был не дурак выпить. И вообще любил веселую жизнь.

Но польские власти уволили его с работы «за принадлежность к русской национальности». Недолго думая, он стал попом: все-таки это верный кусок хлеба.

Дорожный техник надел рясу и отпустил волосы. С амбона произносил горячие проповеди, рекламируя царство небесное.

Пришла Красная Армия. Поп скоропостижно лишил себя сана и вновь превратился в дорожного техника. Яко сказано в писании: «И возвращается ветер на круги своя...»

Мы встретили этого бывшего попа в деревне Пинковичи, Пинского уезда. Был он одет в щегольскую тужурку. Вместо длинной бороды почтенного иерея на подбородке красовалась кокетливая эспаньолка. И всем своим видом он походил на короля французского Генриха IV.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАЖ

Я ЕСТЬ очень пострадавший от войны, — сказал он и с тяжелым вздохом опустился в кресло.

Это было в Пинске. Во Временном управлении.

— Успокойтесь, — сказали ему, — расскажите, в чем дело. Вы беженец?

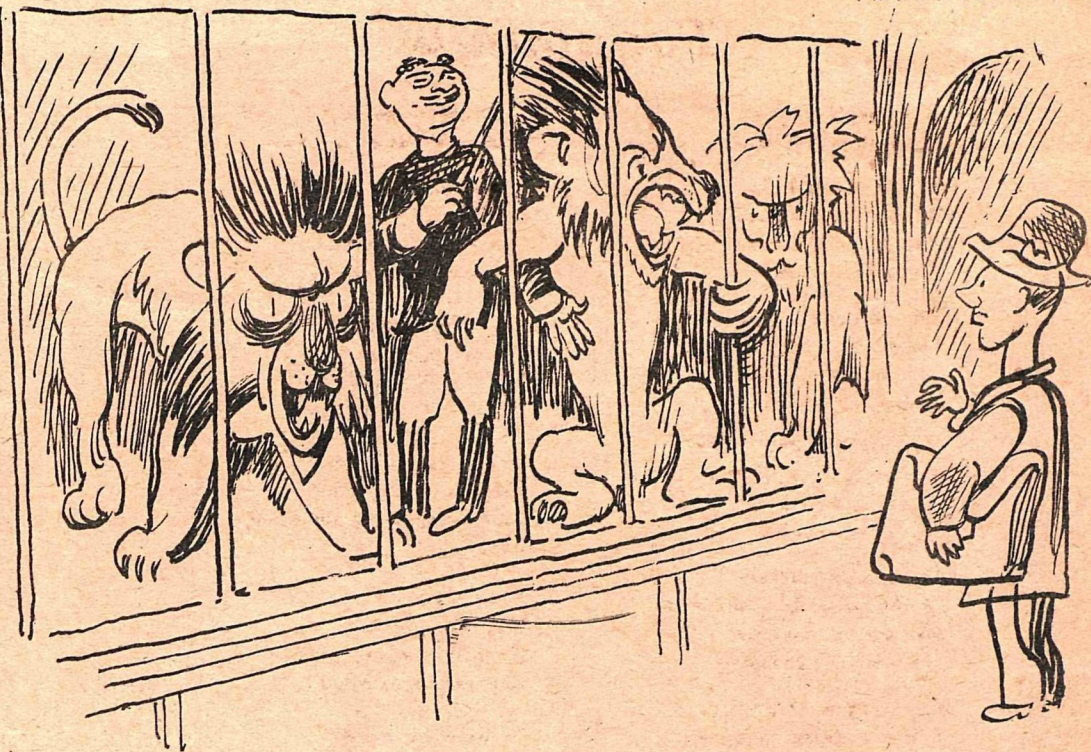
— Хуже. Я строил себе дом. Не палатку, не дворец. Простой каменный дом, каких-нибудь четыре этажа. Я уже построил три этажа. Я уже заселил их жильцами. А тут началась война. Так что я никак не мог достроить. Ах, эта война! Сколько горя она принесла бедным людям! Но теперь война кончилась, и я прошу помочь мне достроить четвертый этаж.

И он опять тяжело вздохнул, угнетаемый великим горем.

Г. РЫКЛИН

Западная Белоруссия

Рис. А. Радакова

— Василий Петрович, вы можете уплатить членские взносы в союз?
— Конечно, войдите, пожалуйста.

Доска приказов

ПРИКАЗ № 10

По Златоустовской погрузо-разгрузочной конторе от 7 октября 1939 года
29/IX при посещении мною вагона-общегития станции Бердяш, где грузчик находился тов. Деико который заявил, что смотритель товарного двора тов. Головин не человек, а собака, как будто-бы он не дает работы и заставляет носить стойки на далекое расстояние и платит мало. При расследовании выяснилось — это верно.

Заместитель начальника Златоустовского отделения по грузовой части Южно-Уральской ж. д. ГАЛКИН

ПРИКАЗ № 176

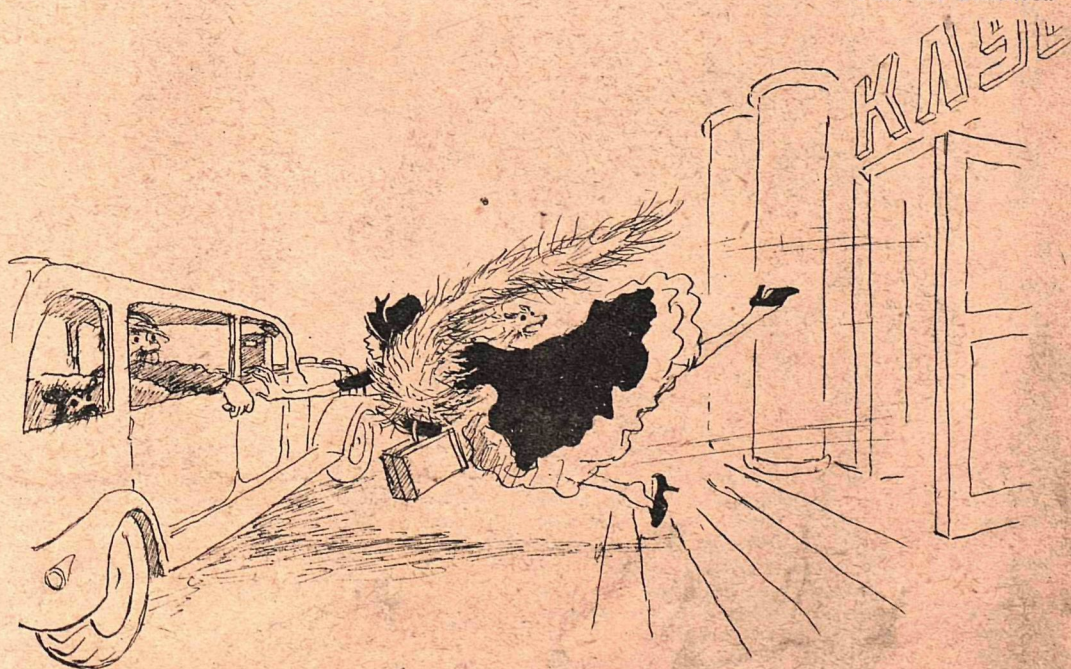
По Отделу Народного образования Пролет. района от 19/IX—39 года гор. Ростов/Дон
На основании постановления президиума Пролетарского Райсовета от 14/IX—39 года за № 38 назначаю комиссию для проверки финансового и хозяйственного состояния школы № 14 приведших школу к необеспечению своевременным расходом и необеспечением учебн. наглядных пособий.

Срок комиссии — 7 дней.

Акт представить мне.

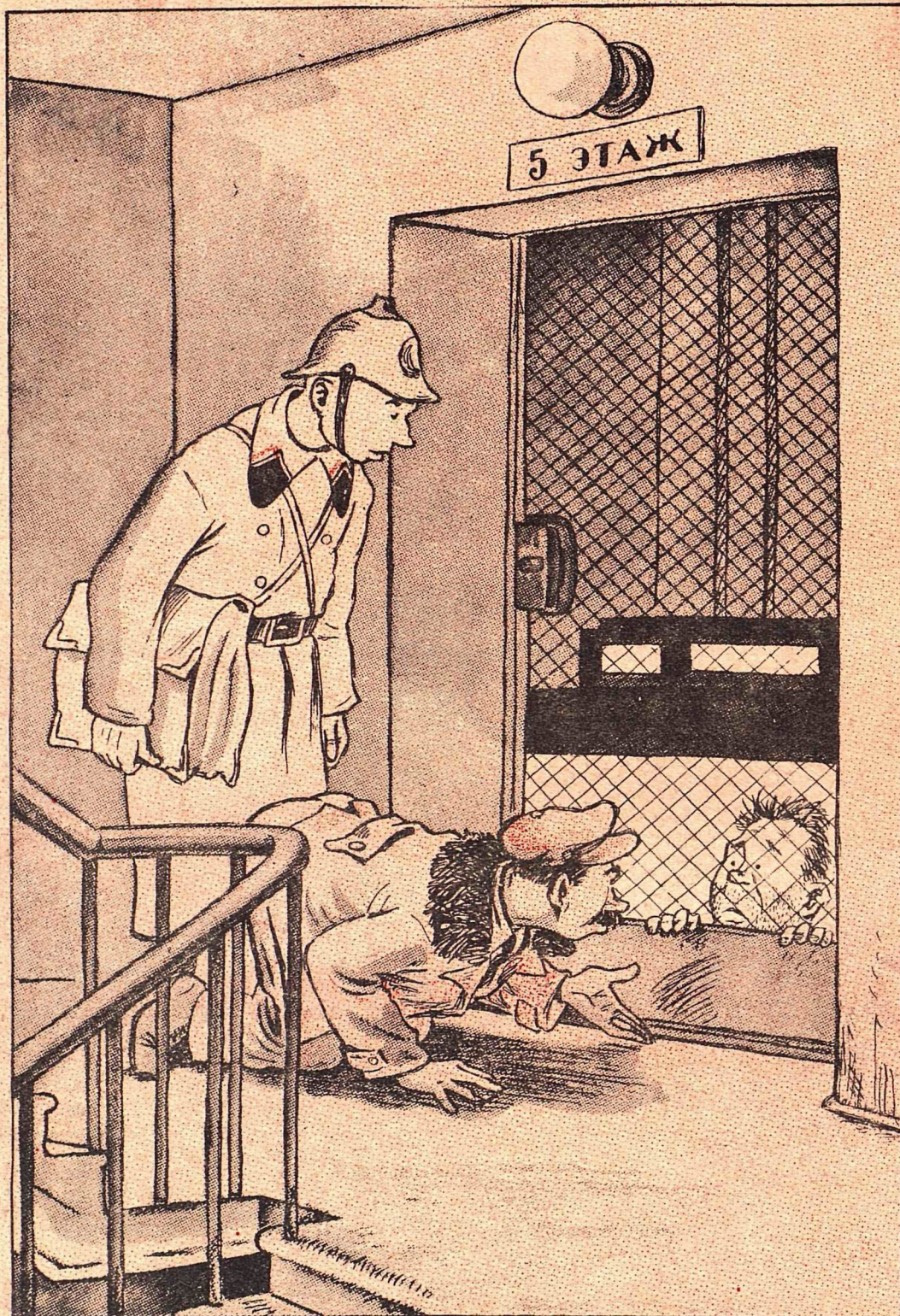
Зав. Районо ЗАДЕРА

Рис. И. Семенова

— Вы меня недолго ждали? Ведь я спела только три вещи.
— Нет. На счетчике набежал всего восемь гривен.

Рис. Г. Валька

— Гражданин, пред'явите паспорт для прописки! Вы уже третий день здесь живете!

СИЛА ИНЕРЦИИ

В Горьковском тресте столовых сидят люди неторопливые и обстоятельные. Попросят их, предположим, открыть летнее кафе. Начинается изыскание лимитов, планирование движения посетителей у буфетной стойки, подсчет посадочных мест. Глядишь, а лето уже на исходе!

Известен лишь один случай, когда работники треста проявили чудеса оперативности.

В прошлом году тресту столовых предложили открыть кафетерий в Сталинском районе. Трестовцы взялись за дело с неимоверной энергией. Немедленно решили переоборудовать под кафетерий фабрику-кухню. Быстро заказа-

ли проект. Спешно выделили средства на строительство. Экстренно послали проект на утверждение в Москву. И с непостижимой быстротой развернули строительные работы.

Тем временем проект забраковали. Но трестовцы не могли уже остановиться. Так сказать, в силу инерции, они вбухали в беспроектное строительство 40 тысяч рублей. А теперь работу придется начинать снова.

Опасная это штука — инерция. Прямо со строительной площадки может увлечь на скамью подсудимых.

Пусть, как сказал великий гений,
Он мне послужит на предмет
УМА ХОЛОДНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ
И СЕРДЦА ГОРЕСТНЫХ ЗАМЕТ.

1

Был в «Кинохронике». Увидел тепловоз,
Архитектуру школы новой
И встречу ту, что радостный колхоз
Устроил с премированной коровой.
Все это важно. Линия ясна:
Фиксируем успехи, достижения.
Но то, чем нынче дышит вся страна,
Поньше не имеет отраженья.
Границы рухнули. Примкнули к нам
Освобожденных два народа.
Мы жаждем видеть, что за люди там,
Что там за жизнь и за природа,
Но кинохроника безмолвна до сих пор.
Какие у киношников мотивы?
Чего им не хватило?

Пленки?

Вадор!

Боюсь, что инициативы!

2

Издательство «Искусство»
Решило проявить и такт и чувство.
И некий драматург, взволнованный весьма,
Читает строки личного письма:
«При Вашем опыте и при таланте Вашем
Нам именно Ваш труд и нужен позареа!
Лишь Вашим творчеством и сможет быть
украшен

Наш конкурс одноактных пьес!»

Писатель, не гордись!

Ты пишешь не бездарно,

Но взглянь на канцелярское клеймо:
Всем драматургам циркулярно
Разослано твое столь личное письмо.
Привет издательству! Оно нашло исход:
«Зачем нам личный к автору подход?
Мы можем заменить его без риска
Бюрократической отпиской!»

НИКОЛАЙ АДУЕВ

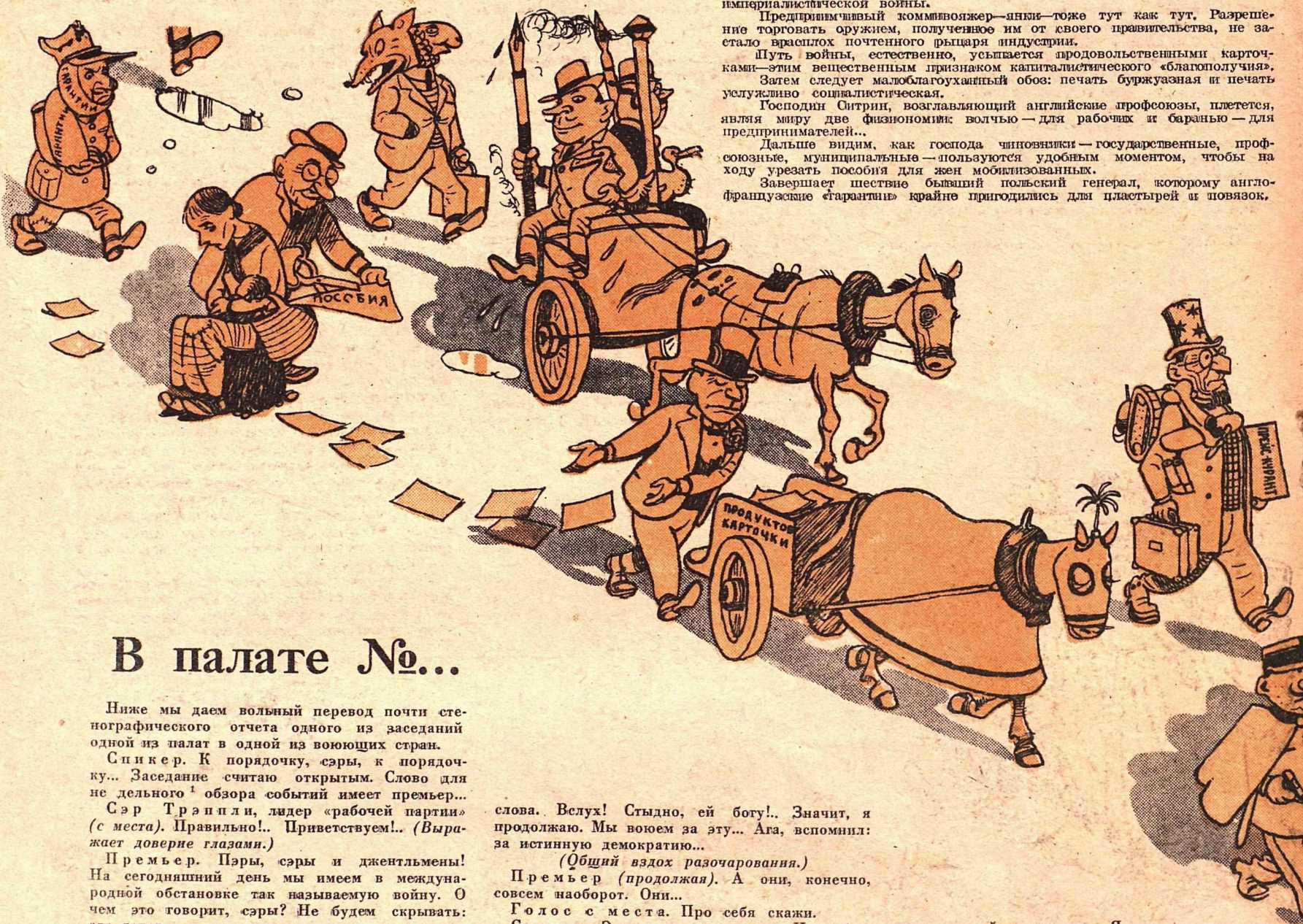

УТОМЛЕННОЕ СОЛНЦЕ

Рис. Л. Бродаты

В исполнении объединенного ансамбля китайской народной
армии и партизан.

В палате №...

Ниже мы даем вольный перевод почти стенографического отчета одного из заседаний одной из палат в одной из воюющих стран.

Спикер. К порядку, сэры, к порядку... Заседание считаю открытым. Слово для не дельного¹ обзора событий имеет премьер...

Сэр Трэпли, лидер «рабочей партии» (с места). Правильно! Приветствуем!.. (Выражает доверие глазами.)

Премьер. Пары, сэры и джентльмены! На сегодняшний день мы имеем в международной обстановке так называемую войну. О чем это говорит, сэры? Не будем скрывать: это говорит о том, что мы воюем...

Трэпли (с места). Правильно!.. (Выражает доверие улыбкой.)

Премьер (многообещающе). Теперь, джентльмены, разберемся, за что мы воюем...

Голос с места. В самом деле, за что?

Премьер (продолжая). Так вот я и говорю: нужно внести полную ясность... Вот тут, к примеру, мы, а там, конечно, они... Мы стреляем в них, а они, естественно, в нас... В чем дело, я вас спрашиваю?

Голос с места. А известно ли достопочтенному сэру, что об этом мы его спрашиваем?

Спикер. Этот вопрос я снимаю. Давайте, сэры, не будем пререкаться...

Премьер (продолжая). Значит, так. Цели у нас абсолютно благородные и возвышенные, а бы даже сказал, неземные...

Трэпли. Правильно!.. (Выражает доверие руками и ногами.)

Премьер. Во-первых, мы воюем за эту... ну как ее... Ну, еще такая большая... На букву «И»...

Голоса с мест (дружно). Индия? Ирак?..

Спикер. Джентльмены, прекратите хулиганство!..

Премьер (испуганно). Что вы? Что вы? Совсем нет... Ну, у нас тоже вроде есть... Оно, собственно, скорее на букву «Д»...

Голоса с мест. Доминионы? Дивиденды?..

Премьер (возмущенно). Джентльмены, а бы попросил вас... Сэры, пары и вдруг такие

слова. Велух! Стыдно, ей богу!.. Значит, я продолжаю. Мы воюем за эту... Ага, вспомнил: за истинную демократию...

(Общий вздох разочарования.)

Премьер (продолжая). А они, конечно, совсем наоборот. Они...

Голос с места. Про себя скажи.

Спикер. Этот вопрос я снимаю. И вообще предлагаю не сбивать докладчика. Это не поджентльменски. (Премьеру.) Продолжайте.

Премьер. Чего вы, в самом деле, кидаетесь? Вот я сейчас оглашу официальное коммюнике, вам же хуже будет. (Читает.) «Наше правительство считает своим святым долгом с кристальной ясностью и беспредельной прямоотой декларировать цели настоящей войны. Мы заявляем всему миру, что ведем войну по причине, зависящей от многих обстоятельств, которые упираются в ряд вопросов, базирующихся на некоторых предпосылках, уходящих корнями в чрезвычайно важные условия. Вот подлинные причины войны!»

(Неловкая тишина.)

Трэпли (с места). Правильно! (Выражает доверие резолюцией.)

Голос с места. А известно ли достопочтенному сэру...

Спикер. Этот вопрос я снимаю. (Премьеру.) Вы кончили, сэры? (Премьер кивает и вытирает полый мантии вспотевший лоб.) Отлично! Для дополнительного заявления о целях войны слово имеет министр иностранных дел. (На трибуну поднимается министр иностранных дел.)

Министр. Дорогие джентльмены, еще вчера я не рисковал бы выступить перед столь высоким собранием с таким высокоответственным, а бы даже сказал, глубоководным, заявлением. Но сегодня ночью, сэры, что-то снизошло на меня, я еще не знаю точно, что, но что-то, безусловно, меня осенило и привело в состояние некоторого сомнамбулического транса, приоткрыло завесу будущего и обнажило

Здесь художник Ю. Ганф изобразил процессию, которая совершается в империалистическом мире в честь бога войны. Впереди на танке едет сам бог войны. Над ним порхает обципаный ангел мира. За танком следуют воинственно настроенные «патриоты» и отчаянные борцы за «демократию», то есть фабриканты оружия. За господами быстрым шагом идут лакеи, так называемые социалисты. Отдельно шествует господин Леон Блюм, который объединяет в своей персоне и социалиста и фабриканта военного снаряжения. Как видите, акции заводов социал-фабриканта идут сверху.

За Блюмом расторопные полицейские ведут первых пленных новой империалистической войны.

Предпринимчивый коммивояжер-янки-тоже тут как тут. Разрешение торговать оружием, полученное им от своего правительства, не стало врасплох почтенного рыцаря индустрии.

Шуть войны, естественно, усыпается продовольственными карточками—этим вещественным признаком капиталистического «благополучия». Затем следует малоблагоуханный обоз: печатъ буржуазная и печатъ услужливо социалистическая.

Господин Ситрин, возглавляющий английские профсоюзы, плетется, являя миру две физиономии: волчью—для рабочих и баранью—для предпринимателей...

Дальше видим, как господа чиновники—государственные, профсоюзные, муниципальные—пользуются удобным моментом, чтобы на ходу урезать пособия для жен мобилизованных.

Завершает шествие бывший польский генерал, которому англо-французские «гарантии» крайне пригодились для пластырей и повязок.

передо мной прошедшее. Я еще не могу сказать ничего определенного о целях войны, но заверяю вас честным словом джентльмена, что я эти цели инстинктивно чувствую, импульсивно ощущаю, подсознательно воспринимаю и интуитивно созерцаю... (Доверительно.) Должен вам сказать, сэры, что у меня есть бабушка...

Трэпли (с места). Правильно! Рабочая партия, в моем лице, выражает доверие вашей бабушке, в вашем лице...

Министр (задушевно продолжает). Эта благородная старушка, живущая в нашем родовом замке, обладает способностью видеть вещи сны. Вчера она видела во сне нечто совершенно неопишное. Как хотите, джентльмены, но в этом что-то есть! (Мистически покачивая головой, сходит с трибуны.)

Спикер. Для информации о наших взаимоотношениях с дорогим союзником слово имеет лорд-хранитель печали².

Лорд-хранитель. Ввиду того что наш дорогой союзник обладает флотом, значительно меньшим нежели наш, мы предложили нашему дорогому союзнику взять на себя наиболее рискованные и ответственные морские операции. При этом мы исходили из соображения весьма реального, а именно: в любом случае, даже при полном уничтожении кораблей, потери нашего союзника, по законам арифметики, будут всегда относительно меньшими нежели нашей.

(Общий радостный смех.)

Голос с места. Ну, и как?

¹ Меткая опечатка переводчика.

² Многозначительная опечатка стенографа.

Особый Отдел

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ПРИЕМ

Дело началось прошлой зимой, когда команда рязанского спортивного общества «Спартак» в блестящем стиле выиграла городскую лыжную эстафету и получила призовой кубок.

Через некоторое время выяснилось, что стиль, собственно, был не таким уж блестящим. Выяснилось, что на самом ответственном этапе представитель «Спартак» Яблочкин воровато заменил спартаковца Амарова специально вывезенным из Москвы первоклассным лыжником Соловьевым, который и решил исход борьбы.

В марте этого года рязанский комитет по делам физкультуры постановил передать незаконно полученный «Спартак» кубок настоящему победителю — команде строительного техникума.

Однако представитель «Спартак» Яблочкин,

выдерживая характер, отказался возвратить приз.

— Приходите с милицией, иначе не отдам, — нагло заявил он.

В свое время пойманных шулеров били медными подсвечниками.

Хотя деятели из рязанского «Спартак» и передернули, вытащив из рукава в критическую минуту козырного лыжника, но бить подсвечниками их никто не собирается.

А вот кубок им все-таки придется отдать. И искренно советовали бы им не ждать, пока за ним придут с милиционером.

ЛИШНИЕ ХЛОПОТЫ

Горьковский горсовет, надо отдать ему справедливость, не любит доставлять себе лишних хлопот. Одна только мысль о том, что Сормовский парк культуры может перейти в его ведение, приводит горсоветовцев в трепет. Хозяин города отказывается под всевозможными предлогами от добра, которое ему предлагают.

— Когда же вы берете наш парк? — спрашивают представители завода «Красное Сормово».

— А, может, его у вас и нет? — хитрят горсоветовцы.

— Как же нет? Мы его с 1934 года строим. Разбили аллеи, открыли Зеленый театр, соорудили стадион...

— Гм!.. А может, туда никто не ходит?

— Вот тебе и раз! В выходные дни по 20 тысяч собирается.

— Так-с!.. Да, знаете, у нас, собственно, и денег на это нет.

— Мы и не просим. Деньги ВЦСПС даст, «Красное Сормово», «Новое Сормово», завод имени 26 комиссаров, другие предприятия. Вам нужно только объединить средства.

— Эх! Не наше это дело...

— Да поймите же, что парк давно перестал быть заводским. Он обслуживает два больших городских района. Пора его расширять, улучшать, как следует обстроить. Одному заводу это не под силу. Когда же заберете наш парк?

— А, может, его у вас и нет?

— Как же нет?..

И надоевшая сормовичам сказочка начинается сначала.

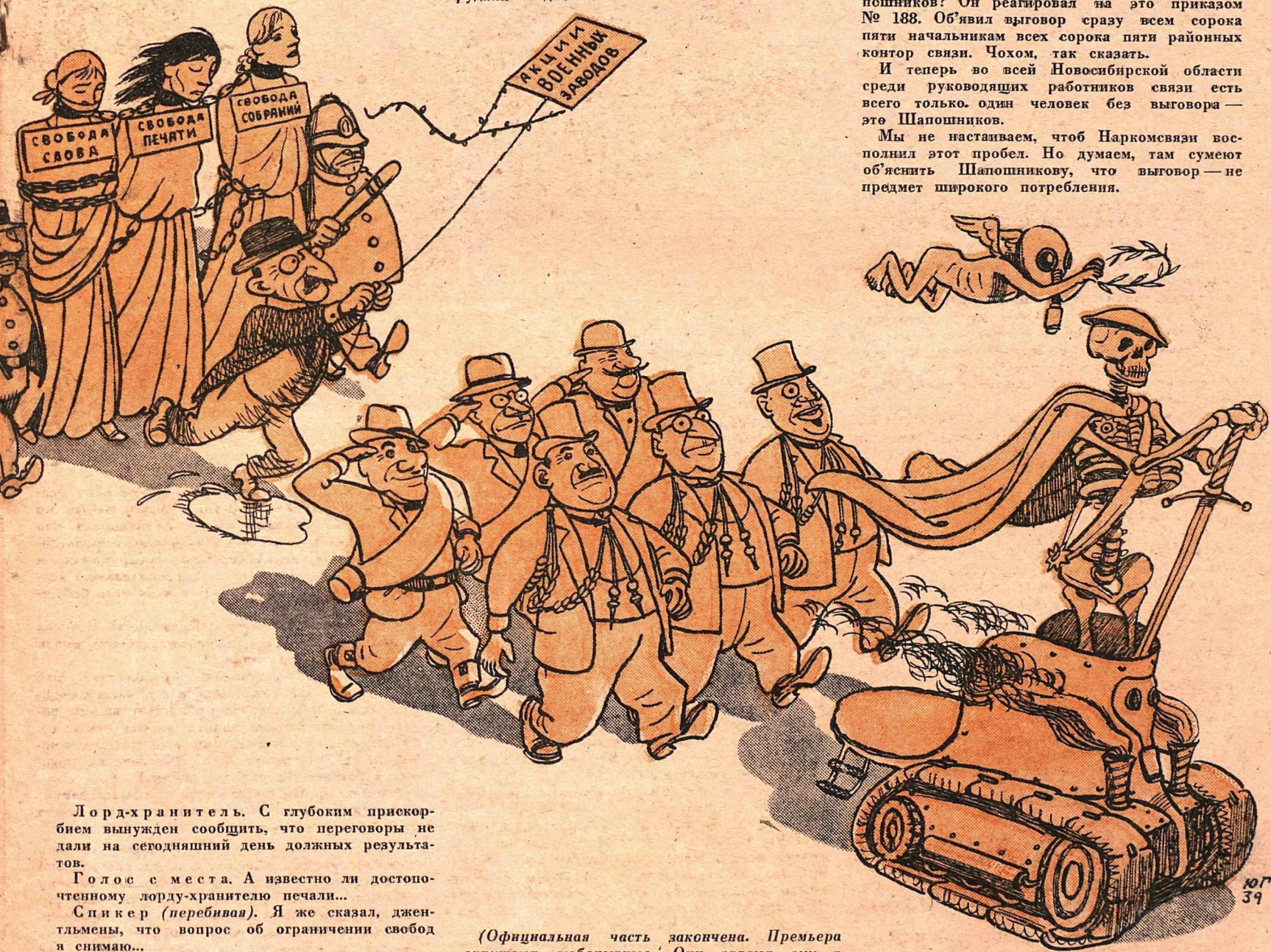
МАССОВОЕ ВЫГОВОРПЕЧЕНИЕ

Никто не собирается оправдывать работников районных контор связи Новосибирской области. Они не представили отчетов «о движении и остатках материальных ценностей». Нарушение дисциплины явное.

Как же на это реагировал заместитель начальника областного управления связи тов. Шапошников? Он реагировал на это приказом № 188. Объявил выговор сразу всем сорока пяти начальникам всех сорока пяти районных контор связи. Чоком, так сказать.

И теперь во всей Новосибирской области среди руководящих работников связи есть всего только один человек без выговора — это Шапошников.

Мы не настаиваем, чтоб Наркомсвязи восполнил этот пробел. Но думаем, там сумеют объяснить Шапошникову, что выговор — не предмет широкого потребления.

Лорд-хранитель. С глубоким прискорбием вынужден сообщить, что переговоры не дали на сегодняшний день должных результатов.

Голос с места. А известно ли достопочтенному лорд-хранителю печали...

Спикер (перебивая). Я же сказал, джентльмены, что вопрос об ограничении свобод я снимаю...

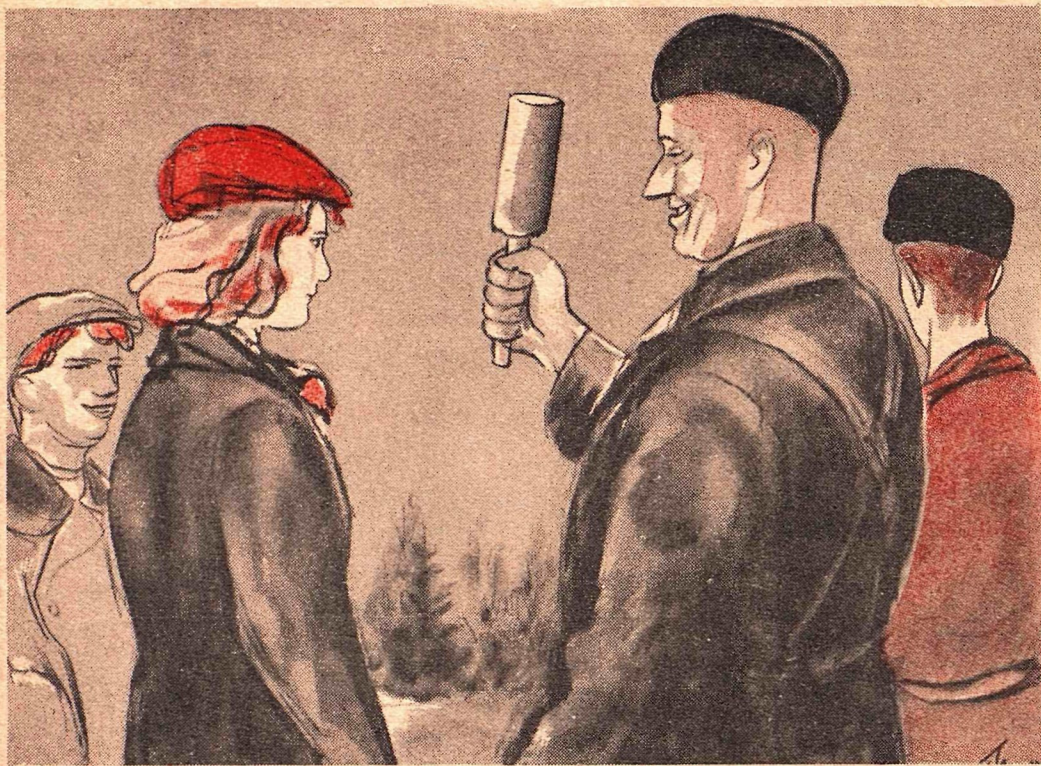
Голоса. А известно ли достопочтенным лордам...

Спикер. Известно, известно, все известно. Со своей стороны, предлагаю выразить благодарности выступавшим лордам за точную и исчерпывающую информацию по актуальным вопросам. Сегодняшнее заседание считаю закрытым.

(Официальная часть закончена. Премьера окружают любопытные. Они задают ему, в личном порядке, более чем бестактные вопросы. Кто-то вовсе услышав, вдруг заявляет о подлинных причинах войны. Онемевший от ужаса спикер в отчаянии рвет на себе парик. Шерсть в традиционном мешке, на котором сидит спикер, встает дыбом.)

ОЛИВЕР СВИСТ

Рис. Л. Генча

— Гранату надо держать так. да вы не бойтесь: она ручная!

Пожар

СУДЬБА жестоко обидела молодого матроса Лунина. Его недавно еще пышная шевелюра поредела до безобразия, и вскоре череп оголился совершенно, как после бритья. Только небольшой, но изрядно густой ободок волос тянулся от уха до уха на затылке, да на висках кое-где перьями торчали кустики волос. Товарищи по пароходу «Тайфун» из сочувствия давали Лунину разные советы. Одни советовали втирать касторку, другие — мыть голову дегтярным мылом, мазать плешину чесноком, луком. Один из матросов посоветовал Лунину сделать себе шестимесячную завивку оставшихся на затылке волос. Над койкой матроса как-то утром были приклеены стихи под заголовком «Не горюй, Лунин»:

«Настанет время,
И лысых рать
Своими голыми башками
Европу станет освещать».

Другие называли имена величайших людей, которые были лысыми, начиная от философа Сократа.

— А мне от этого не легче, — отвечал Лунин. — Все равно, как страдающих морской болезнью утешают тем, что адмирал Нельсон тоже укачивался и все же выиграл сражение при Трафальгаре.

— Знаешь, парень, что я тебе скажу, однако, — сказал матросу боцман. — У нас, помор, лысый человек — хорошая примета. Если шторм прихватит тебя в море и, того гляди, суденышко опружит, — считай тогда до сорока плешей. Сосчитаешь — твое счастье!

— Не понимаю, — ответил Лунин, заинтересовавшись.

— А так. Насчитают если люди на гибнущем судне до сорока своих плешивых знакомых, — тогда, значит, опасность минует непременно, шторму скоро конец!

Этот же помор надоумил Лунина:

— Ты, парень, зря, однако, время теряешь на зимовке. Нам еще стоять во льдах не меньше десяти месяцев. За это время, если лечить волосы, то и вырастут какие-никакие. Доктор есть на каждом судне.

Четыре транспортных судна зазимовали в тот год у безлюдного острова на Крайнем Севере.

Лунин послушался помора и стал в свободное время ходить с судна на судно по докторам. Пошел на один пароход — отказали. На другом тоже. А на третьем доктор прямо заявил:

— Скорее у вас, батенька, на коленке волосы вырастут чем на голове.

Но Лунин пошел все же на четвертый пароход. Здесь жил средних лет доктор, который ни в чем по складу своего замечательного характера не отказывал больным. Просила его буфетчица помочь ей выморить тараканов на судне, взялся он и за это. Два дня толлок горох в ступе в мелкую пыль, смешал эту пыль с бурой и сахаром. Пульверизатором распылил в местах скопления тараканов. И что же?

Тараканы оживились пуше прежнего. Раньше их не было только в одной капитанской каюте. Теперь, после опыления, они, будто одурев, полезли и к капитану и даже в штурманскую рубку.

К этому доктору и пришел матрос Лунин. Он выждал минуту, когда в судовом лазарете никого, кроме врача, не было, и торпливым шопотком сказал:

— Доктор, я к вам насчет средства для рашения волос, нет ли у вас такого?

Доктор посмотрел на Лунина, на его свещающуюся как бильярдный шар лысину и сказал деловито:

— Попробовать можно, тем более что времени у нас с вами на зимовке предостаточно.

— А какие могут быть результаты? — поинтересовался Лунин.

— Если не будет никаких результатов, то, во всяком случае, вы останетесь, как говорится, при своих. Вот и все. А каждый лишний волосок, если он покажется после втираний мази, которую я вам приготовлю, будет нашим достижением.

Лунин понял, что попал, наконец, к серьезному человеку. Где-то в уголке сознания затеплилась надежда увидеть когда-нибудь в

зеркале свою голову неоголенной и несверкающей.

Два дня наведывался Лунин к доктору за лекарством, на третий получил в баночке из судовой аптечки мазь черного цвета с бензиновым запахом.

— Втирайте эту мазь на ночь ежедневно, а недельки через две покажитесь мне, посмотрим первые результаты. Еще раз напоминаю вам: каждый волос, выращенный нами, мы условимся считать нашим достижением.

Лунин держал в руках баночку мази с таким восхищением, как нумизмат древнейшую монету, и шагнул по снежной тропинке к своему судну.

Каждый вечер перед сном Лунин доставал из рундучка баночку сокровенной мази и начинал втирать ее в оголенную часть черепа.

— Стоит, как чорт, при свечах перед зеркалом и растирает свою плешь, — недовольно говорили про него соседи-матросы на «Тайфуне».

Но к подобным выступлениям товарищей Лунин давно выработал полный иммунитет.

В ночь перед тем, как Лунину идти к врачу для осмотра результатов втирания, на «Тайфуне» пробили пожарную тревогу. Огонь был замечен на полуяте, где помещались матросы. Первым заметил огонь судовой плотник. Он был возле рынды и тут же пробил тревогу.

Набрав в пожарные ведра снегу, все спешили на корму к месту пожара. Подшкипер примчался с огнетушителем.

— Куда вы? — смущенно спросил плотник набежавших с ведрами людей. — Пожар ликвидирован. Все ол-рай!

— А что горело?

— У Лунина лысина погорела.

— Как так погорела?

Тут моряки обступили плотника с расспросами.

— А ему завтра надо было идти к доктору на осмотр. Он и решил сам получше рассмотреть, чи выросло у него на плещи, чи нет. А в каюте, известно, было темно. Он в одной руке держал зеркальце, а в другой — свечу и вертел ею вокруг своей плещи. Задел, значит, горящей свечой за венчик своих волос на затылке. А снадобье-то оказалось из горючего состава. Ну и полыхнуло! Погорели у Лунина последние волосья. Амба!

Месяц целый ходил Лунин на зимовке с перевязанной головой, и, когда снял повязку, то и на том месте от уха и до уха, где водились у матроса волосы, теперь оставались лишь жалкие кусты.

МАКС ЗИНГЕР

В МЕСТКОМЕ

Рис. К. Елисеева

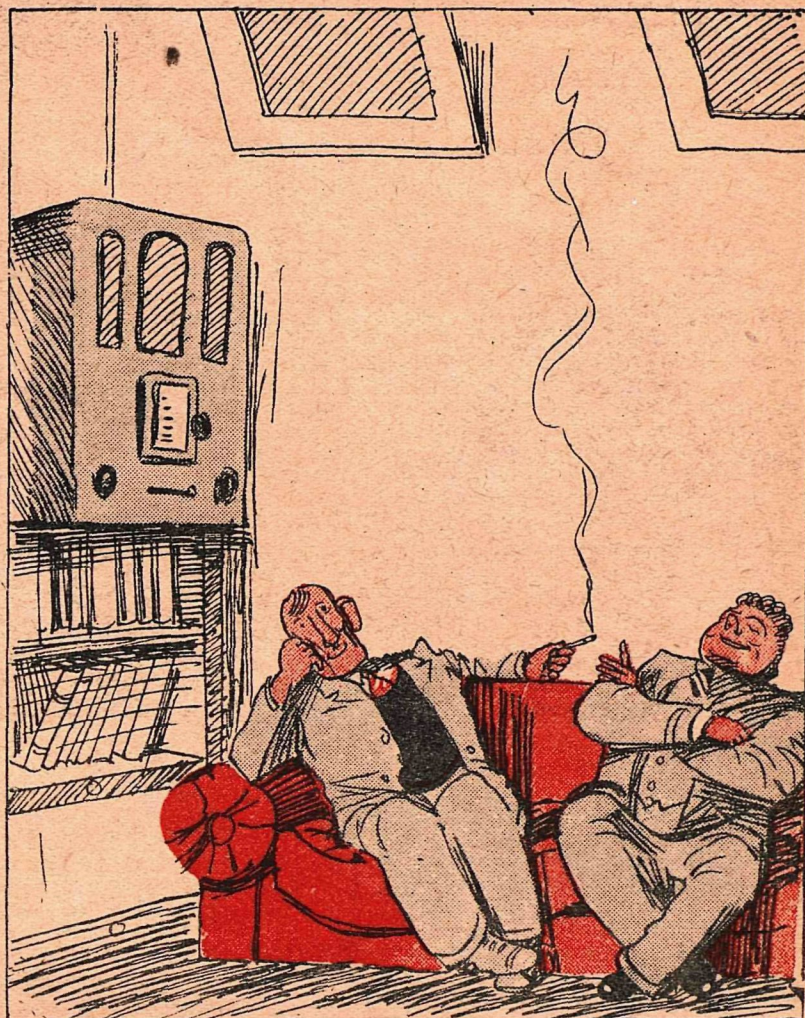

— Я болел три месяца, был почти при смерти, и хоть бы кто-нибудь зашел, поинтересовался...

— Хорошо, хорошо!.. Как-нибудь в следующий раз.

**ЭФИРНОЕ СОЗДАНИЕ,
или
преимущества радиослушания.**

Рис. А. Каневского

Осенние мотивы

ДОЛГО держалась хорошая, сухая погода, и вдруг, неожиданно зарядил обильный дождь. Кругом сразу стало тускло, хмуро и сильно запахло осенью. И Николай Петрович, возвратившись после работы домой, застал грустную картину. У самой двери сидела с расстроенным лицом жена, а перед ней стоял на полу таз, и в этот таз с потолка беспрерывно текла вода.

Потолок на середине комнаты посерел и покрылся желтыми подтеками. Обеденный стол был сдвинут в сторону к кровати, и на нем лежали стулья, шкафчик из-под белья, книги, зеленая лампа и много других вещей... Николаю Петровичу стало совсем скучно.

— Шура,— подавленно сказал он жене,— не волнуйся, умоляю тебя... Дождь должен перестать.

— Пускай льет... Не растаю, не сахар,— с едва скрываемым раздражением проговорила Шура.— Вынеси этот таз.

Николай Петрович грустно посмотрел на жену, сменил таз и побежал искать управдома. Управдом, высокий человек с тяжелым лбом, сухой как мумия, отнесся к словам Николая Петровича с явным подозрением.

— Крыши чинены-перечинены — сказал он.— Шагайте себе тихо домой, пра-ашу вас.

— Но позвольте, Семен Михайлович. Нас же буквально заливают.

— Не верещите на ухо, гражданин. Пока самолично не увижу эту течку, нипочем не поверю... Пра-ашу вас.

Вернувшись домой, Николай Петрович долго вешал в передней плащ, а затем, подойдя к жене, тихо сказал:

— Ты бы легла, Шурочка, отдохнуть... Я посижу, подежурю...

До самого рассвета Николай Петрович следил за наполнением таза и мучительно боролся с дремотой. А рано утром пришел управдом, скептически осмотрел потолок и, взяв себя пальцами за нижнюю губу, проговорил:

— Не вижу течки, граждане...

— Так ведь сейчас дождя нет.

— А вчера был? — осведомился домоуправ.

— Был.

— Ну, значит, он и виноват,— сказал Семен Михайлович, рассеянно посмотрел на потолок и ушел.

Долго совещались супруги о том, как подействовать на Семена Михайловича и, в конце концов, решили прибегнуть к хитрости. Однажды вечером, когда возникла угроза дождя, Николай Петрович поспешно надел пальто и побежал искать управдома.

— Семен Михайлович,— смущенно сказал он ему,— Забежал бы чаек попить. По делам беспокоюсь, заскакиваешь, а в гости не заходишь тебя... Жена, знаешь, ждет...

«Умасливают»... — самодовольно сообразил управдом. Но от чая не отказался и даже погрозил:

— Пока самовар не вылакаю, не уйду... Хе-хе... Я любитель, а особенно с вареньем. Встретили его тепло, заботливо и шумно...

— Вот сюда, Семен Михайлович, садитесь на серединочку... Здесь удобно и к самовару ближе... — захопотада Шурочка.

— Ничего, спасибо,— расчувствовался управдом, с вожделением оглядывая накрытый стол.

Но едва он полнес первый стакан с чаем ко рту, как что-то мокрое капнуло ему на затылок. Управдом испуганно взглянул наверх и увидел, что по потолку бежит струйка воды. Тогда он неестественно согнулся и покраснел. Вода потекла ему на спину, а при попытке наклониться вбок начала мочить плечо... На лицах Николая Петровича и Шуры было разлито невозмутимое спокойствие и радушие. Семен Михайлович попытался улизнуть, но они беспрерывно угощали его, и управдом пил и ел, не находя в себе мужества признаться, что крыша действительно протекает... С неописуемым ликованием наблюдали молодые супруги, как на желтую лысину управдома размеренно падают капли.

Наконец Семен Михайлович почувствовал, что если попытка не прекратится, то он искушает хозяев, побьет посуду, запоем тенором, сядет на самовар. Он, шатаясь, поднялся со стула, глупо улыбнулся и, помахав в пространстве рукой, скрылся за дверью...

Спешим обрадовать читателей следующим сообщением: через несколько дней крыша была починена.

Все хорошо, что хорошо кончается.

ЛЕОНИД БРАС

1

Есть такая детская игра «испорченный телефон». Один говорит другому на ухо — ворона. Другой передает соседу — корова. Третий передает дальше — корова. К последнему — слово доходит в неузнаваемо обезображенном виде. Цель игры — поймать с поличным, — кто первый исказил слово.

Эта игра, видимо, нравится и кое-кому из взрослых. Они не прочь и сейчас провести час — другой в этой занимательной игре.

Шофер Балхашского хлебозавода И. Дейкун подал директору заявление:

«Прошу Вашего распоряжения — отпустить меня на призывной пункт».

Директор завода Прасов прочел заявление и наложил резолюцию: «Провести плотников согласно заявления».

В другом месте, в совхозе «Червоный степ» (Запорожская область), в игре участвовал коллектив первичной парторганизации. В протоколе партсобраний записано:

«Слушали. О переводе из кандидатов в члены ВКП(б) т. Парфененко, Никифора Федоровича. Постановили: Принять т. Карпенко Никифора Федоровича из кандидатов в члены ВКП(б)».

Какая поговорка более применима в данном случае: «В огороде бузина, в Киеве дядька» или «Правая не знает, что творит левая»? По нашему мнению, применимы обе.

2

Начальник агентства связи в поселке Яровая (Сталинская область) получил грозное послание от начальника Лиманской конторы связи Резниченко:

«С получением сего срочно сообщите на каком основании перерасходованы деньги. Вам было выслано 55 руб. и от Вас получено расход документов на 55 рублей.

Нач. конторы В. Резниченко
Деловод Талалаев».

3

Собинский горсовет (Ивановской области) произвел точный и окончательный подсчет, сколько литров вина требуется человеку, занятому на работе две смены:

«Заведующему Собинского отделения Владимирского межрайторга

Собинский горсовет просит Вас отпустить на рабочих Горсовета 10 литров вина за наличный расчет.

Количество рабочих плотников — 4 человека, 2 человека маляров, разнорабочих 4 человека — всего 10 литров, в виду того, что рабочие работают по две смены в день, горсовет просит удовлетворить изложенную просьбу.

Пред. горсовета Уварова
Секретарь Кишелов».

Открытия, сделанные Собинским горсоветом, к сожалению, неполноценны: ведь так и осталось неизвестным, какого сорта вино требуется, какой крепости. Для ревнителей бумажной переписки из Собинского горсовета такая оплошность непростительна.

Некролог

— Картер умер? — вытаращив от удивления глаза, воскликнул начальник главка и выронил перо. — Инженер Картер умер?

— Да, — подтвердил предместкома. — По поступившим от картеровского приятеля сведениям, Владимир Борисович погиб при автомобильной катастрофе.

— При катастрофе? — опять переспросил начальник. — В Крыму на отдыхе?! — он болезненно сморщился, явно напрягая мозг. — М-м-м, да, да, да! Там ведь крутизна гор и... Какая нелепая смерть, какая...

Начальник не договорил, встал и зашагал по кабинету.

— Нет, — снова заговорил начальник, — как хочешь, но эта глупая смерть в моей голове не укладывается... (начальник постукал себя по лысине). Посуди: молодой человек, жизнерадостный, с умными, пытливыми глазами, талантливый и... Как же так?

— И глубоко общественный, — добавил предместкома, сосредоточенно топя пойманную муху в чернилах. — Картер был крепко подкованным химиком...

— Да, да, подкованным, — с интересом смотря на гибель мухи и печально кивая головой, подтвердил начальник. — Нет, как хочешь, и мне не хочется верить... Однако, надо поместить в стенгазете теплый некролог, описать всю жизнедеятельность покойного. Это незамедлительно надо сделать.

— Сделаю, — согласился предместкома, ловя следующую муху. — И почти память вставанием и направим соболезновать делегацию к картеровским престарелым ро... — предместкома, не договорив, сильно взмахнул рукой. — Смори, на лету поймал! Теперь жужжи, не жужжи, все равно, не пушу!.. На чем я остановился? Да, значит, направим делегацию к убитым горем родителям.

В делегацию избрали угрюмого даже в дни получек инженера Ладыжкина и слезливую бухгалтершу Новикову: их лица наиболее соответствовали скорбной миссии.

Предместкома спешно сочинил некролог:

«Ушел от нас Владимир Борисович, ушел большой химик, ушел крупный общественник, энтузиаст. Мы потеряли того, кто безотказно, засучив рукава, выполнял любые общественные нагрузки, вплоть до страхования жизни работников главка от огня.

Тов. Картер показывал хорошие примеры и в других областях. Он всегда первым платил взносы в профсоюз, и мы с удовлетворением,

например, констатируем, что, уезжая в отпуск, тов. Картер заплатил за два месяца вперед. Честь и слава Владимиру Борисовичу!

Мы призываем всех сознательно оглянуться на жизненный путь тов. Картера и не медля ни одной минуты погасить числящуюся за ними задолженность (список неплательщиков смотри ниже некролога)».

Придя к начальнику, предместкома встал посреди кабинета, и прочитал некролог с вывешиванием, а фразу «тов. Картер заплатил за два месяца вперед» — с особым надрывом.

— Неплохо, — жуя яблоко и громко чавкая, одобрил начальник. — И слеза чувствуется и призыв.

Дверь отворилась, — вошла угрюмая делегация. На глазах бухгалтерши виднелись слезы.

— Напрасно нас гоняли, — всхлипывая, заявила она, — старики выехали в Крым.

— Выехали, заинтересовавшись гибелью сына, — добавил инженер Ладыжкин. — Между прочим, одна ихняя соседка утверждает, что никакой катастрофы не было. Тов. Картер буд-то бы безо всякого автомобиля свалился с горы.

— Во-от оно что, — протянул начальник. — Так, так... Значит, не автомобиль виноват, а сам Картер. Послушайте: не пахнет ли это самоубийством? Этак... этак... — начальник выждал, когда делегация удалась, и, дернув предместкома за рукав, прошептал: — Этак, чего, доброго, следствие начнется, допрашивать нас будут.

— Фу ты, какая неприятность! — испуганно ежась, проговорил предместкома. — Еще скажут, что у профсоюза не было заботы о живом человеке.

Начальник подумал, посвистел и произнес: — Откровенно говоря, я больше боюсь ревизии. Перед отъездом Картера я премировал его за пуск... как ее, чорт... этилен-метилентриоксиплутарховой установки. Натощак не выговоришь... Расписал ее покойник, наговорил сто бочек, то да се... Она, мол, какой-то мировой переворот должна в химии произвести...

— Н-да, — жалобно проблеял предместкома и почесал за ухом. — Чорт понес Картера на эту гору! Лежал бы себе на песочке, грелся бы и грелся...

— Ты того... подсуши некролог, — сказал начальник. — Не надо так уж сильно убиваться по Картеру. Сочини поуклончивее...

В новой редакции некролог выглядел так:

«Смерть т. Картера последовала исключительно от неосознанности покойного. Никто в этом абсолютно не виноват, кроме покойника. Профсоюз решительно был и есть против того, чтобы служащие главка беспричинно лишались жизни. Обнажая, конечно, головы в память усопшего, мы должны жестоко осудить его поступок».

Утром предместкома с этим некрологом зашел к начальнику. Тот был взбешен.

— К чорту некрологи! — заорал он и ткнул пальцем в телеграмму. — Вот он, некролог, полученный по моему запросу: «Установка сбילה все расчеты Картера тчк Заинтересовалась печать тчк Подробности письмом».

— Ну кто бы мог подумать! — воскликнул предместкома. — Какая, оказывается, каналья, какой мошенник! Ну, мы постараемся, чтоб навсегда было забыто имя Картера! Чтoб духом его не пахло!

И предместкома, разрывая на ходу некролог, выскочил из кабинета.

Однако пришедшее вскоре письмо вновь напомнило о Картере.

«Как нами сообщалось, — гласили строки, — установка, смонтированная тов. Картером, сбילה все его расчеты. Тов. Картер по скромности предполагал получать продукта 1 тонну в сутки, а установка дает 2 тонны. Новым продуктом заинтересовалась печать. И в ближайшее время вы...»

Начальник главка и предместкома тупо глядели друг на друга.

— Ах, Картер, Картер! — вздохнув, наконец, проговорил начальник. — И зачем ты нас покинул?!

— Кто покинул? — раздался в дверях удивленный голос.

— Картер! — вскопчивший, вместе закричали начальник и предместкома. — Живой Картер!

— Он самый, — подтвердил Картер.

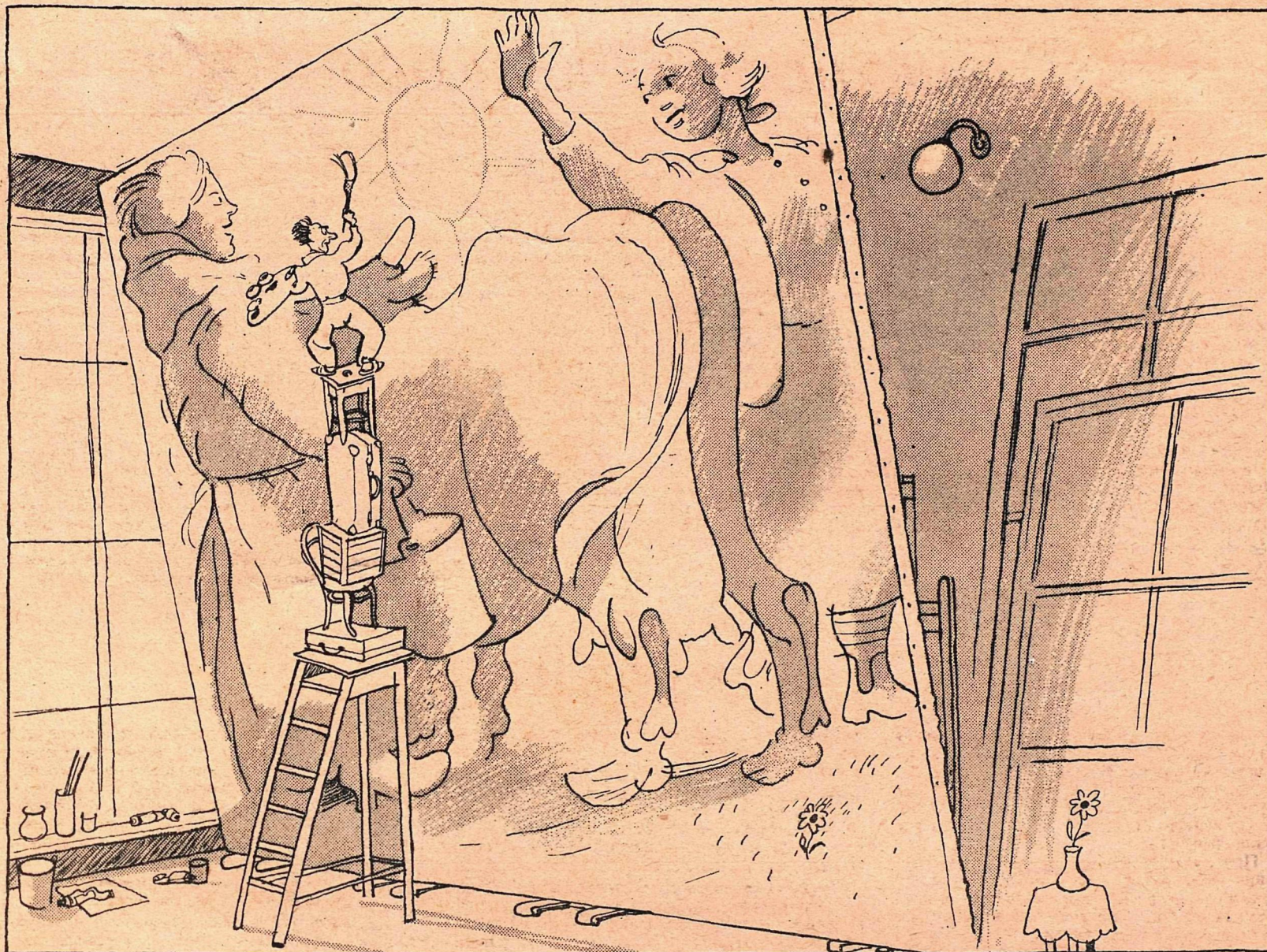
— Но вы... Ведь вы, Владимир Борисович, упали в пропасть, — растерянно пролепетал начальник. — Почему же вы, однако, живой?

— Так уж, — смеясь ответил инженер. — Летел... да не долетел. Зацепился за скалу.

— Зачем же... зачем же вы так?

— То есть как — зачем? — проговорил Картер. — Я альпинист и к тому же химик. Я искал в горах новый вид сырья для этилен-метилентриоксиплутарха. Понятно?

БОРИС АГАРОВ

— Вот это будет полотно, так полотно! — ликовал художник. — Такого грандиозного полотна никто не выставит!. Нет!. Всех я переплуну, всех обойду, превыше всех стану на фронте изобразительных искусств!
И, дописав полотно, художник отнес его на выставку...

Легко вообразить себе удивление и ужас нашего художника когда он увидел, что из всего многометрового „полотна“ на выставке оказалось не более сорока двух квадратных сантиметров..

Только эти сорок два квадратных сантиметра и представляли собой благородное и трудное искусство живописи. Остальные сто пятьдесят девять метров девяносто пятьдесят восемь квадратных сантиметров были всего-навсего вялой и бесцветной мазнёю.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ. Рисунок первый изображает действительное положение вещей в нашей живописи. Рисунок второй, к сожалению, представляет только нашу мечту о честном отношении к своим обязанностям если не художника, то, по крайней мере, жюри выставок. Мечта наша еще не осуществлена. Полотна более или менее грандиозной мазни беспрепятственно проникают порою на выставки.

В розыгрыше первенства СССР по футболу команда „Спартак“ не ударила лицом в грязь.

Нерукотворный образ

ДИРЕКТОР скульптурной студии Моссовета Борис Прокофьевич Барков — не скульптор и никогда им не был. Но он художник — весь, с бороды до мизинца, художник по своим творческим дерзаниям, по складу своего бурного характера. Борис Прокофьевич — к тому же художник слова: он драматург.

С первых дней прихода в студию Борис Прокофьевич задался целью — синтезировать скульптуру и драматургию и создать такой образ, который обрел бы выразительность скульптуры и динамичность драмы.

Работать Баркову приходится много. Он сам руководит студией, один принимает студийцев, один экзаменует их, один осматривает натурщиц. Весь этот непосильный труд ложится на его одиночные плечи.

Где уж тут думать о создании скульптурно-драматического образа?! Но Барков не сдаётся. В мелочных, повседневных заботах, в поддержке своих верных сотрудников находит он источник своего вдохновения.

Трогательно и бережно относятся окружающие к малейшим нюансам тонкой, чувствительной натуры Баркова. Стоит Борису Прокофьевичу, когда к нему приходит натурщица или будущая студийка, слегка намекнуть или моргнуть глазом, как все посторонние чувствуют: их присутствие излишне. Больше того: они испытывают чуждость, они сознают, что мешают Борису Прокофьевичу творчески сосредоточиться, и робко, на цыпочках покидают директорский кабинет и даже студию.

Но чтобы не было никаких сомнений в идеологической выдержанности задуманной Борисом Прокофьевичем работы, которая носит сугубо лабораторный характер, нередко, по настоятельной просьбе самого Бориса Прокофьевича, за дверью кабинета остается парторг студии Зайцев. Если же, паче чаяния, Зайцева поблизости не находят, его достойно заменяет на этом ответственном посту сторож Борисов.

Такая мера предосторожности оказывается весьма кстати: после этого никакие злопыхатели не посмеют распространять всякие небывлицы о недостойном якобы поведении Бориса Прокофьевича.

Знакомится Борис Прокофьевич с посетительницей вкрадчивым, конфетным голосом. Его вопросы обнаруживают сразу незаурядного психолога, тонкого знатока человеческой души

и прежде всего, конечно, художника, художника, не терпящего никаких мешанских условий:

— Ваш идеал мужчины? — спрашивает он и тут же добавляет: — Я, например, мог бы вам понравиться?

Встретив недоуменный взгляд, Борис Прокофьевич немедленно рассеивает всякие сомнения:

— Вы забудьте, что я начальство. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Почему меня не может тянуть к другому? Неужели вы не изменяете своему мужу?

Так он говорит с А. Так он повторяет Б. Так он убеждает В.

— Вы живете одна? Странно: вы такая красивая. У вас такая художественная внешность, и вы так скудно, так серо живете... Без всяких порывов.

В своих суждениях он беспощаден:

— Нет, нет... Люди, закопавшиеся в семье, нам, студии, ненужны.

И это не только красивые слова, не просто поза. Будущей студийке Г., матери ребенка, Борис Прокофьевич прямо говорит:

— Дети — и искусство? Совместимо ли это? Одно будет мешать другому. Вы уж лучше воспитывайте детей.

В студию приходит натурщица. Борис Прокофьевич предлагает ей обнажиться и тут же перед ним продемонстрировать линии своей фигуры.

— Позвольте, — говорят ханжи и обыватели, — ведь Барков — не скульптор, не художник?

На подобные придирики Борис Прокофьевич отвечает:

— Я художник по призванию, а из меня хотя бы сделать чиновника!..

Этому не бывать!.. С такими людьми Баркову не по пути, а следовательно, не по пути и студии. Никаких поблажек и послаблений! Барков заставляет педагогический совет отказать в приеме в студию гражданке А., которой почему-то не понравились «художественные порывы» Баркова, о чем она даже подала куда-то жалобу. Педагогический совет, понятно, соглашается с Барковым. По этой же, глу-

ФАТАЛИСТ

Начало было вполне обычным. Среди многих писем в редакцию журнала Крокодил пришло письмо, в котором жаловались люди на чрезмерное обилие клопов в бараках Кундурского механизированного лесопункта (Хабаровский край). Письмо это мы направили начальнику пункта для принятия мер. И что же? Оказалось, начальник пункта — фаталист. Он исполняет нечто вроде той усвоенности, какой отличаются правверные дервиши — мусульмане. Вот что написал нам начальник Кундурского механизированного лесопункта (к сожалению, фамилии его мы точно не знаем, потому что подписался он с предусмотрительной неразборчивостью):

«Уважаемый Крокодил!

Адресованное вами письмо на имя начальника Кундурского мехлесопункта не соответствует действительности. Рабочие жалуются вам, что средства (порошок патентов) для уничтожения клопов изобретенный фабрикой недоброкачественно не убивает клопов. Что касается клопов, то у нас их очень, очень много и такими средствами, как выпускает фабрика ясное дело их не уничтожишь».

Иными словами, начальник лесопункта не мыслит вверенных ему барачников без клопов. А мы отличаемся настолько богатой фантазией, что можем вообразить себе бараки не только без клопов, но и без такого начальника, который склонен к излишнему фатализму.

боко принципиальной причине Барков уволил консультантку, которая подозрительно шушукалась со студийками и готовилась подорвать основы творческой обстановки в студии.

Но Баркова не сломить.

Пусть! Пусть возьмется обидчицы! Пусть строчат о чем угодно и куда угодно заявления! Барков спокоен: Управление по делам искусств при Моссовете никому никогда не позволит нарушить установленный Барковым в студии творческий режим.

Барков продолжает работать над созданием задуманного образа. Он продолжает работать наперекор «всяким наскокам со стороны местников и клеветников» (см. его заявления в соответствующие организации).

Дабы не было недоразумений, поясняем: авторство на слово «местник» принадлежит монополично Баркову. Слово сие ничего общего не имеет с «местничеством». Корень этого нового слова — месь. «Местники», по мнению Баркова, — это лучше, это звучнее, это сильнее чем мстители.

В борьбе с наскоками «местников» поразительно единомыслие и понимание своего начальства проявляет парторг студии Зайцев. Слова Зайцева «правдивые факты не поддаются никаким местническим подтасовкам» бодрят Баркова; ведь они выражают его мысли, его чаяния. С такими, как Зайцев, Барков никогда не пропадет!

Если нужно, выступит в бой и комсомольский комитет: он правильно понимает свои задачи. В решении комсомольского комитета, в каждой строке, в каждом слове, витает благотворный дух Бориса Прокофьевича:

«Просить партийные органы и руководство Комитета по делам искусств оградить тов. Баркова в его слишком сложной, но правильно проводимой работе по ступии от клеветнических и местнических выпадов...»

* * *

Великий скульптор прошлого века Родэн так описывал процесс своего художественного творчества:

— Я беру глыбу мрамора и отсекаю все ненужное.

Будем учиться у Родэна!

Е. ВЕСЕНИН

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Всему виной 00 рублей 99 копеек (ноль-ноль рублей 99 копеек!). Это они доставляют столько хлопот Государственному банку СССР. Это из-за них не спит целая армия финансовых работников, доискиваясь истины.

Суть дела такова. В 1934 году Каракульское отделение Госбанка неправильно зачислило на текущие счета двух колхозов 99 (девятидесято девять!) копеек. Через два года Узбекская контора Госбанка, найдя эту ошибку, решила списать злополучные 99 (девятидесято девять!) копеек. Казалось бы, делу конец. Но спустя еще два года, т. е. в 1938 году, центральная бухгалтерия Госбанка СССР, проверяя отчет своей Узбекской конторы, обнаружила неправильно списанные 99 (девятидесято девять!) копеек и предложила «распорядиться о восстановлении этих сумм на соответствующих счетах, а затем возбудить перед правлением банка ходатайство о списании таковых». И снова завертелась машина. Без устали шелкают счеты. Трепещут арифмометры. Заседают комиссии, пишутся протоколы, акты... И так по сей день.

Человечество глубоко ценит беспримерные подвиги борцов за истину. Так пусть же и этот подвиг будет оценен по достоинству.

Н. ХЛЫНОВ,

старший инспектор центральной бухгалтерии правления Госбанка. Москва.

Дорогой Крокодил!

Позволь на твоих страницах выразить благодарность полтавскому областному отделу коммунального хозяйства. Это он несмотря на жуткую загруженность все же находит время интересоваться жизнью районов. Это он с отеческим вниманием запросил згуровский райкомхоз о готовности бани к зиме. И не формально запросил, а вник, как говорится, во все детали. Тут и график работы бани на зимний период, тут и вопросы снабжения топливом, тут и капитальный ремонт бани. Жаловаться, казалось бы, не на что, если бы объект, которым так живо интересуется облкомхоз, существовал. Но его нет. Да, да, зав. облкомхозом, тов. Бабин, в Згуровке бани нет!

Читали вы, тов. Бабин, роман гениального нашего земляка Гоголя «Мертвые души»? Помните Чичикова? То-то!

МАСЛОВСКИЙ,

председатель Згуровского районного исполнительного комитета.

Згуровка, Полтавской области.

Товарищ Крокодил!

Два года назад завод имени Октябрьской революции построил Дом технической учебы. В мае этого года Сталинский райсовет Баку упрямил дирекцию завода предоставить народному суду две комнаты на один месяц.

Народный суд поселился и занял не две, а три, а затем и четыре комнаты. Прошел условный срок, а суд и не думает выезжать. Завод взывает к райсовету, а там отвечают коротко: «Помещения для суда еще не подыскали». Обращается завод в нарсуд: «Имейте совесть, выезжайте!» — а судья рекомендует обратиться в суд.

Так и ютится Дом технической учебы в двух комнатах, вернее, в одной, так как в другой свалена мебель из оккупированных судом четырех комнат. И в этой-то единственной свободной комнате сидят заводские работники и пишут заявления в различные организации. Одно из таких заявлений написано и тебе, товарищ Крокодил.

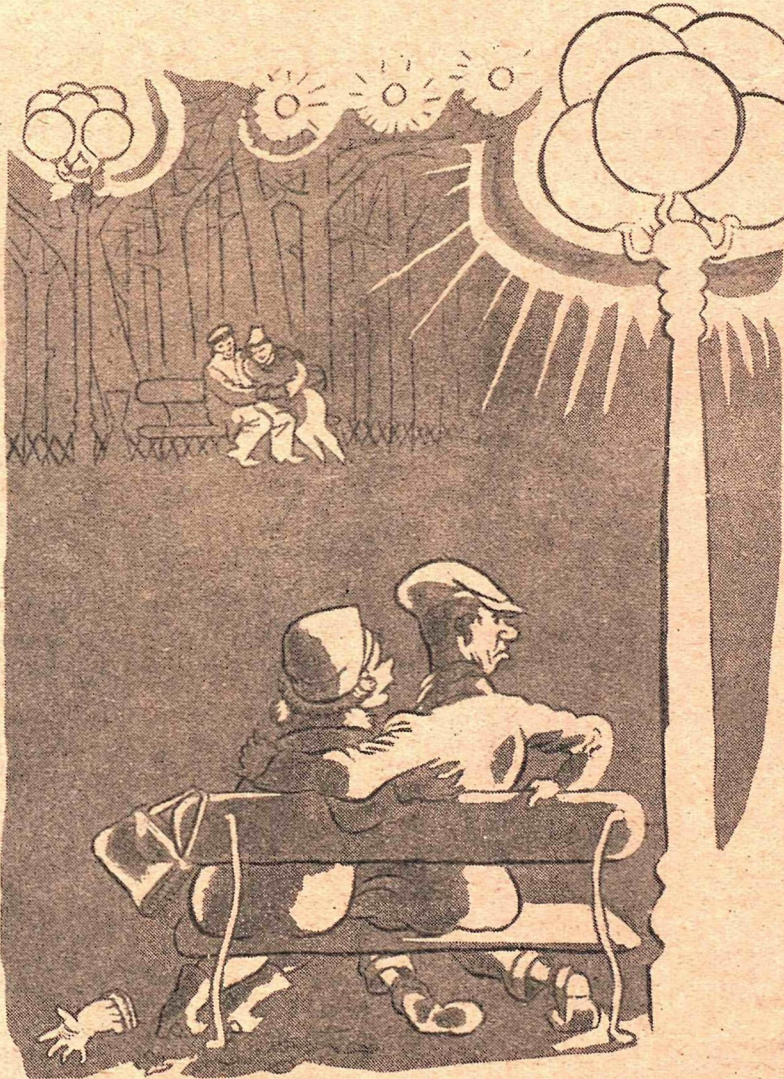
П. БИК,

начальник отдела технической учебы завода имени Октябрьской революции.

Баку.

ОСЕННЯЯ ЛИРИКА

Рис. Н. Лиса

— Безобразие, светло как днем! Совсем не соблюдают экономии электроэнергии.

Дорогой Крокодил!

Среди многих других арифметических примеров, заслуживающих твоего внимания, в задачнике, составленном Березанской для средней школы, есть задача № 842:

«Ширина зала равна $8\frac{1}{5}$ м., длина его в $2\frac{1}{2}$ раза больше ширины, а высота составляет $\frac{1}{6}$ ширины. Сколько весит воздух, наполняющий этот зал, если...» Дальше уж неинтересно. Интересно то, что при простом арифметическом подсчете высота зала составит 1 метр 36 сантиметров.

При всем своем уважении к научным авторитетам, и к Березанской в частности, я не могу примириться с тем, что площадь высотой в 1 метр 36 сантиметров называют залом. Если в этом «зале» провести урок арифметики, то школьники будут подпиравать потолок своими головами, а учителю придется проникнуть в «зал» чуть ли не на четвереньках.

В. ПАВЛОВА,

преподаватель средней школы. Реутово, Московской области.

Дорогой Крокодил!

Газета Орджоникидзевской дороги «Магистраль нефти» завела на своих страницах отдел «Советуем прочесть».

30 октября газета посоветовала своим читателям прочесть недавно вышедший сборник стихов белорусского народного поэта Янки Купалы.

Газета писала: «Интересны в этом сборнике стихи о прошлой жизни белорусского народа» — и тут же привела стихи, якобы написанные Купалой в 1908 году:

«Видишь стоит изможден лихорадкою
Высокорослый больной белорус...»

Напрасно вы будете искать в сборнике Я. Купалы эти стихи. Их не было в сборнике и не могло быть. По очень простой причине: эти стихи принадлежат перу Некрасова, написаны им еще в шестидесятых годах прошлого столетия. Эти стихи настоятельно советуем прочесть редактору и сотрудникам газеты «Магистраль нефти».

И. ФРЕЙБЕРГ,

гидротехник, город Орджоникидзе.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 1152

Сдача текста и рисунков 14/XI 1939 г.

Подписано к печати 27/XI 1939 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—18050. Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 3695. Тираж 275 000 экз.

НА УЛИЦАХ ПАРИЖА

Рис. Л. Бродаты

44
ОБЯЗАТ. ЭКЗАМЕНАЦИОН.
7-ДЕК
Всё. Н. Бродаты

Получ.	8/11		
В р.	8/11	9/11	7I
В			

- Ну, чем ты теперь зарабатываешь?
- Как чем? Голосом!
- Разве ты поешь?
- Нет, я продаю свой голос на выборах. По 25 франков с кандидата.